

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Н.Р. Хан

Проведен анализ классической модели университета и определено место в нем религиоведения.

Ключевые слова: классический университет; религиоведение; теология.

В XXI в. все более очевидными становятся тенденции смены ценностных приоритетов, обеспечивающих общественное развитие. Человечество переходит от индустриального общества, с ярко выраженным технократизмом мышления, к постиндустриальному, что предполагает переоценку роли интеллекта и квалификации человека. Масштабы и темпы преобразований таковы, что общество все более опирается на знания, в результате чего высшее образование и научные исследования выступают в качестве важнейших компонентов культурного и социально-экономического развития российского общества. Роль таких традиционных интегрированных центров образования, науки и культуры, как университеты классического типа, в связи с этим значительно возрастает. При этом роль университета в обществе определяется множеством жизненно важных функций. Университет нацелен на реализацию таких целей, как обучение, наука, культура. Классический же университет – это социальный институт, органично сочетающий в институциональном кредо наивысшие образцы высокой культуры с требованиями социальной адаптации.

Предыстория и история становления и развития университетов как образовательно-научных учреждений в Западной Европе (и в мире вообще) восходит к эпохе позднего Средневековья.

Еще в XI в. в Италии открывается Болонская высшая школа, вскоре (1158 г.) получившая название первого в мире университета. Довольно скоро открываются Оксфордский (втор. пол. XII в.) и Кембриджский (1209 г.) университеты в Англии; Парижский (1215 г.) во Франции; Неаполитанский (1224 г.), Римский (1303 г.) в Италии; Саламанкский (1218 г.) и Вильядолидский (1346 г.) в Испании; Лиссабонский (1290 г.) в Португалии; Пражский (1348 г.) в Чехии; Краковский (1346 г.) в Польше; Венский (1365 г.) в Австрии; Гейдельбергский (1386 г.) в Германии. В последующие столетия в Европе, а следом и в США, Южной Америке, странах Востока и Азии открываются университеты на базе высших школ, лицеев и колледжей [1, с. 1].

Университеты позднего Средневековья несли в себе “воспоминания” о древнегреческой пайдеей, но эта историческая память в какой-то мере постепенно утрачивала свою значимость и востребованность, однако, не исчезла и не могла исчезнуть полностью. Слишком привлекательными были парадигмы образования и воспитания, выработанные греками. Возникновение и функционирование европейских университетов проходило не без влияния на формирование их структур, выработанных ранними и зрелыми институтами схоластики интеллектуально-раци-

оналистических навыков, принципов, ориентаций, процедур, формально-логических приемов – основ познавательных процессов. Влияние указанных феноменов было противоречивым: с одной стороны, схоластика не могла не нести на себе отпечатка выработанных веками достижений в духовной сфере и культуре, а с другой, – включала в себя в немалой степени христианскую ортодоксию, философское обоснование религиозной догматики, что не способствовало развитию естественнонаучных и гуманитарных знаний, их обновлению и приращению. При этом первые университеты некоторое время находились под двойным воздействием: на них стремились оказать решающее влияние либо католическая церковь, либо королевская власть, нередко враждовавшие между собой.

Церковь стремилась по вполне понятным причинам утвердить свою монополию на образование, укрепить в сознании молодежи религиозное мирозерцание, а королевская власть хотела видеть в университетах пути и гарантии формирования у человека приверженности светским интеллектуальным очагам культуры, подготовки специалистов для службы во власти. И хотя университеты с первых лет своего существования обладали известной административной автономией и юрисдикцией, собственными уставами, тем не менее, противостояние церкви и светской власти не могло не сказываться на их статусе, содержательных сторонах их деятельности независимо от того, кто являлся изначально основателем университетов – королевская или церковная власть. Не только в начальные периоды существования университетов, но и в последующем, вплоть до наших дней, влияние светской и церковной властных инстанций на их деятельность были переменчивым. То одна, то другая из них оказывались доминантной. Попытки полного подчинения себе университетов, создание в них теологических факультетов или отделений, стремление полного разграничения светского и теологического образования в эпоху Возрождения и позже – все это зримые вехи в развитии университетов, тенденции, которые порождались особенностями исторического развития конкретно взятого общества [1, с. 3].

Университет (от лат. *universitas*) означает общество, общность людей. Классические университеты возникали и развивались как определенные корпорации людей по их потребностям, жизнеобеспечивающим ценностям, образовательным интересам. Все это фиксировалось в университетских уставах. Обладая в той или иной мере

автономией от властей, университеты представляли своего рода “государство в государстве”, что нередко приводило даже к конфликтным ситуациям с органами власти. Свободомыслие, независимые суждения студентов и профессуры по значимым вопросам социально-культурного и политического развития общества были нередкими явлениями в университетах. И сегодня многие видные государственные и политические деятели находят возможности выступать в университетской аудитории, озвучивая свои программы, как бы сверяя свои взгляды и ориентации с мнением университетской общественности.

Другая особенность классических университетов заключается в том, что они и сейчас во многом остаются центрами прежде всего теоретического образования. Уже в первых европейских университетах образовательные программы предполагали обучение студентов на факультете так называемых свободных искусств (в дальнейшем философском факультете), где осваивали риторiku, логику, диалектику, математику, грамматику, астрономию. На высших факультетах изучали право, медицину, богословие. В последующем наборы учебных дисциплин постоянно расширялись, университет становился все более многопрофильным. Университетское образование, которое отличается фундаментальностью, широтой, поли- и междисциплинарностью, специализациями по новейшим направлениям науки, ориентировано, помимо профессиональной подготовки, на формирование способности учиться, в том числе самообразовываться, способности к концептуализации новых массивов информации, в отличие от неуниверситетских форм высшего образования, нацеленных прежде всего на освоение некоей суммы узкопрофессиональных знаний и навыков.

Разумеется, подготовка по гуманитарным специальностям в университетах и однопрофильных вузах по содержанию учебных курсов, методикам обучения в чем-то может пересекаться, взаимодополняться. Во всяком случае, здесь речь идет не о признании некоей ущербности неуниверситетского гуманитарного образования, а лишь о попытке отстоять идею о том, что гуманитарная подготовка в университетах в силу наработанных исторических традиций всегда основывается на изучении основополагающих классических отраслей знаний – логики и философии, истории и филологии, юриспруденции, религиоведения и других наук, обладающих большим диапазоном видения и освоения социальной действительности, познания человека.

Статус классического университета необходимо дополнялся признанием его как своеобразного домена – вместилища, создателя, пользователя и распространителя высокой культуры.

Многопрофильная структура классического университета делает его настоящим центром культуры не только для его питомцев, но и для тех, кто находится вне его стен и как бы получает мощные импульсы культурно-цивилизационного заряда от университета. Не случайно распространено мнение, что не столько город или регион определяет облик находящегося на его территории университета, сколько наоборот: каков университет, таков город или даже страна. Таким образом, классический университет – это высшее учебное заведение особого типа, характеризующееся внутренне необходимо присущими ему особенностями, которые отражают путь его зарождения и развития на протяжении почти одной тысячи лет. Университеты как учебно-научные центры следует рассматривать в контексте их постоянного развития, эволюции. Классические университеты староевропейского типа и современные университеты – не одно и то же. Объединяясь по сходству в основных чертах и признаках, они, естественно, отличаются своими характеристиками, тем более что вторая половина прошлого столетия создала и вновьявленные университеты, нередко лишь по своему наименованию относящиеся к данному типу высших учебных заведений.

Университеты всегда испытывали воздействие факторов и условий общественного свойства. Их влияние оказывалось в одних случаях непосредственным, в других – опосредованным. В наиболее общем виде университеты возникали и развивались на основе требований, порождавшихся самой исторической эпохой. В этом смысле можно сказать, что университеты – это продукт, результат, детище самой эпохи, тех реалий социальной действительности, которые предопределили появление первых высших учебных заведений. Потребности рыночных отношений, обоснование использования результатов великих географических открытий, обеспечение правоведами судопроизводства, подготовка государственно-управленческих специалистов (чиновничества), деятелей искусства и культуры – вот лишь неполный перечень тех социальных предпосылок, которые определили необходимость существования университетов и под воздействием которых происходила их эволюция. Переломным же этапом в этих изменениях, как уже отмечалось, стала эпоха Возрождения, когда светское

образование получило статус автономности, раскрепостилось от удушающих объятий церкви, вышло на просторы гуманизации образования, ориентации личности на творческие направления ее самоутверждения, свободного и всестороннего развития. Однако и по прошествии этих исторических этапов развития университетов получение знаний, хотя бы в рамках теологического образования, не утратило своего значения как в прошлом (разработка серьезных научных проблем в математике, физике, химии (алхимии), механике на теологических факультетах), так и в современных университетах, причем, независимо от светского или теоцентристского типа мировоззренческой ориентации носителей этих знаний – преподавателей, ученых.

Высказанные нами суждения об университетском образовании и науке укрепляют во мнении, что теологическую составляющую университетского образования и науки, как раньше, так и теперь, следует рассматривать в качестве одного из важнейших факторов поступательного движения университетов. Теология является одной из фундаментальных классических областей знания, что подтверждается как историей науки, так и современной мировой научной практикой. Предметом теологии является исследование религиозного опыта во всех его конкретных проявлениях. Ее система, включающая в себя целый ряд дисциплин, существует с глубокой древности. И если отсчитывать начало христианской теологии с первых памятников, содержащих философски-богословское рассмотрение религиозного опыта, то ее возраст исчисляется девятнадцатью столетиями. Востребованность специалистов в области теологии подтверждается общемировой практикой [2]. Государственные университеты, имеющие самые известные теологические факультеты, расположены по всей Европе: во Франции (Страсбург, Тулуза), Польше (Люблина), Швейцарии (Женева, Лозанна, Люцерн, Невшатель, Фрайбург, Берн, Базель, Цюрих), Болгарии (София), Бельгии (Брюссель), Эстонии (Тарту), Германии (Бонн, Баден-Вюртемберг, Лейпциг, Тюбенберг, Берлин, Марбург), Финляндии (Хельсинки), Дании (Копенгаген), Австрии (Вена).

В Оксфордском университете теология является одной из самых престижных базовых специальностей. За ней по степени престижности следуют история, классическая филология, юриспруденция, далее – весь комплекс естественных наук. В мировой практике неоспоримо присутствует убеждение, что теология наряду с историей, филологией и рядом других

гуманитарных наук составляют фундамент национального гуманитарного образования, и эти науки не могут быть заменены друг другом [3]. Между тем, религиоведение в качестве научной дисциплины зародилось лишь во второй половине XIX в. на Западе, как итог многовекового противоборства науки и религии и следствие тех научных открытий, которые сделали историки, антропологи, археологи, этнографы, языковеды XVIII–XIX вв. Эти открытия прояснили многие вопросы, связанные с верованиями разных народов и цивилизаций, и поставили перед наукой дилемму комплексного и сравнительного исследования религий мира в целях более глубокой и всесторонней оценки их роли и места в историческом развитии человечества и прежде всего в духовно-нравственной сфере. Прежде чем получить право на существование, религиоведение прошло долгий и нелегкий путь развития. Своими корнями оно уходит в древнее свободомыслие, которое пробовало претендовать на право светских оценок религии. Эти пробы имели место и в Средние века европейской цивилизации, но по причине полного и безраздельного господства христианской церкви в духовной жизни средневекового общества и детской слабости науки не могло быть и речи о каком-то научном толковании религии [4].

Первые решительные шаги в этом направлении были сделаны, конечно, в эпоху Возрождения, однако решающие успехи, утверждающие права науки на исследование религии появились лишь в период Просвещения. Не случайно германский религиовед Т. Фрик заявлял, что «религиоведение есть детище Просвещения». Действительно, в эту эпоху европейская наука делает первые шаги в исследовании восточных и остальных религий мира, закладывая базу сравнительного религиоведения. Огромным подспорьем европейской науки о религии стали публикации дневников и свидетельств бесчисленных христианских миссионеров и путников о религиозных верованиях разных народов мира, в том числе и находящихся на простом уровне развития. В это время как раз и было положено начало рождению исторического подхода к исследованию возникновения, функционирования и развития религий. Вторая половина XIX в. стала временем официального признания религиоведения, несмотря на резкое неприятие его со стороны европейской христианской иерархии. Выдающуюся роль в этом признании сыграл известный английский языковед XIX в. М. Мюллер (1823–1900), работы которого о религиоведении

как бы подвели итог многовековой борьбе науки за право иметь возможность изучить религию, иметь на нее свой, отличный от церкви, взгляд. Его по праву называют «отцом религиоведения».

Западно-европейская и северо-американская научная и философская мысль внесли решающий вклад в развитие религиоведения, в обоснование места религиоведения в системе научного знания, его принципов и способов, структуры и содержания, целей и задач. Этот вклад сделан выдающимися представителями разных сфер научного знания: историками и философами Э. Ренаном, К. Тиле, Л. Фейербахом и Э. Фроммом, социологами М. Вебером, Э. Дюркгеймом и П. Сорокиным, психологами У. Джеймсом и К. Юнгом, этнографами и антропологами Б. Малиновским, Э. Тайлором. В России, в силу ряда исторических обстоятельств (более позднего развития отечественной науки вплоть до второй половины XIX в., наличия государственной религии и специфичной религиозной традиции во взаимоотношениях научного знания и веры), не удалось так активно и обширно развиться научному знанию о религии. И, тем не менее, есть достаточное количество оснований говорить о государственных корнях религиоведческой науки. У ее истоков стояли две главные публичные силы: революционно-демократическое движение и российская религиозно-философская мысль.

Развитие религиоведения в XIX в. на Западе (появление исследований Г.В.Ф. Гегеля и Л. Фейербаха, Д. Штрауса, Б. Бауэра, Э. Ренана, М. Мюллера, с которыми знакомилась российская демократическая интеллигенция) усиливало энтузиазм к изучению проблем взаимоотношений науки и религии. Эмоциональные оценки религии уступают место попыткам ее научного анализа, выяснению ее генезиса, ее функций в публичной жизни, ее роли и места в общечеловеческой и государственной культуре и, наконец, ее места в классовой, идеологической борьбе. Этими вопросами активно занимались народники П.Н. Ткачев и П.Л. Лавров, анархист П.А. Кропоткин. Наконец, в работу по серьезному и глубочайшему осмыслению парадокса религии в конце XIX в. включился теоретик российского марксизма Г.В. Плеханов. И тем не менее глубочайших и масштабных научных трудов, имеющих право встать рядом с трудами западных философов, историков и языковедов, российская религиоведческая мысль этого направления не представила.

Концентрированным выражением позиции другой части российской интеллигенции к религии стала религиозно-философская мысль второй

половины XIX – первой половины XX в. Следует отметить, что большой вклад в исследование религии внесли российские философы Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, К.Н. Леонтьев, Н.О. Лосский, Д.М. Мережковский, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, А.С. Хомяков. Все они были людьми верующими, воцерковленными, а часть из них (С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, П.А. Флоренский) относилась к священнослужителям и, естественно, они подходили к исследованию религии с других позиций, чем революционные демократы. Однако это не мешало им оценивать религиозные явления объективно и критически. Каждый из них имел свою точку зрения, свое видение религиозных проблем и пути их решения.

Философский способ познания религии более близок к научному. Он не занимает позиции игнорирования либо, напротив, однозначного принятия того или другого из двух рассмотренных способов. В то же время философии по отношению к религии не удается занять объективно нейтральную позицию. При этом она часто не может избежать крайностей: то утверждает полное слияние с религией (“Философия и есть истинная теология”, Г.В.Ф. Гегель), то отрицает ее как извращенное знание (материалистическая философия). По этой причине с помощью философского способа исследования религии также не удается достичь нужной объективности знаний о ней. Лишь собственно научный религиозно-ведческий способ познания способен в достаточной мере приблизить к реализации принципа объективности в исследовании религии. Менее чем за полвека своего существования религиозно-

ведение превращается в официально признанную науку, которая в дальнейшем переживала периоды подъемов и кризисов, совершала беспрецедентные прорывы в сферу непознанного и заходила в теоретические тупики, обогащалась за счет смежных отраслей знания и щедро делилась с ними своими идеями, методами, категориями и понятиями. В XX в. результаты, полученные религиоведами, стали использоваться не только светскими учеными и либеральными теологами, но и религиозными ортодоксами. Сегодня без них не может обходиться ни один представитель гуманитарных наук, ни один верующий или неверующий человек, размышляющий о судьбах своей страны и мировой цивилизации. Теоретические положения и выводы, сформулированные несколько десятков лет назад, могут оказаться устаревшими и вызвать только исторический интерес, методология же исследования более долговечна и до сих пор представляет научную ценность.

Литература

1. Садыков М.Б. Университет. Общество. Человек. / М.Б. Садыков, Ф.Ф. Серебряков, М.Д. Щелкунов и др. Казань, 2003.
2. Теология и религиоведение: проблема совместимости // <http://pda.sedmitza.ru/text/396102.html>; Зубанова С.Г. Возрождение духовно-нравственных традиций российского образования в контексте модернизаций // <http://www.teo-rgsu.ru/library/sobor/001.html>
3. Швечиков А.Н. Теоретико-методологические основы современного российского религиоведения // http://dibase.ru/article/26102009_shvchikov.